

На правах рукописи

РОГОЖИНА Наталья Дмитриевна

Пасхальный праздник в повседневной жизни Петербурга и Москвы
в конце XIX – начале XX века

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2009

Работа выполнена на кафедре истории России XIX – начала XX века
Исторического факультета Московского государственного университета им.
М. В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат исторических наук
Андреев Дмитрий Александрович

**Официальные
оппоненты:** доктор исторических наук
Беловинский Леонид Васильевич
(Российский государственный
гуманитарный университет)
кандидат исторических наук
Козловцева Елена Николаевна
(Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет)

Ведущая организация: **Воронежский государственный
университет**

Защита диссертации состоится «__» _____ 2009 г. в __ часов на
заседании диссертационного совета Д 501.001.72 при Московском
государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу: 119991,
Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, ауд. А 416.

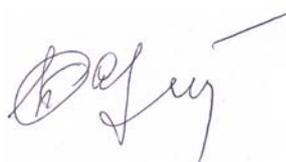
С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. М. В.
Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д.
27, Библиотека МГУ.

Автореферат разослан «__» _____ 2009 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор исторических наук,

доцент Г. Р. Наумова

I. Общая характеристика работы

Постановка проблемы. Роль традиционной, в том числе религиозной, культуры в легитимации самодержавной российской государственности была исключительно высокой. Поэтому представляется закономерным обращение верховной власти к использованию элементов церковной жизни в официальной государственной идеологии и пропаганде. Если же принять во внимание, что в православной Российской империи церковная жизнь тесно переплеталась с жизнью общественной и семейной, в которой праздники играли чрезвычайно важную роль, то представляется закономерной предпринятая самодержавием в конце XIX – начале XX века попытка придать новое – политически акцентированное и социально-ориентированное – значение главному празднику православных христиан – Пасхе.

Догматический смысл Пасхи превращает это ежегодное событие церковного календаря в главное действо всей евангельской истории, а значит, и христианской религии в целом. Поэтому пасхальные торжества неизбежно затрагивали жизнь практически любого человека в дореволюционной России. Этот праздник был всенародным, имел не только сугубо религиозную и обрядовую сторону, «но и вполне светские традиции, соблюдавшиеся в городской среде и заметно отличавшиеся от деревенских»¹.

Любой праздник, и Пасха в том числе, кроме идейно-смысловой нагрузки, которая в религиозном торжестве бесспорно доминирует, содержит в себе и досуговый компонент. Сам же по себе досуг занимает особое место среди российских ценностей. Он является частью традиционной русской культуры и в последнее время всё чаще оказывается объектом исследовательского внимания. Впервые как предмет изучения досуг появился в поле зрения культурологов². И это не случайно, еще Й. Хейзинга

¹ Орлова В. Празднование Пасхи в городах России в начале XX в. // Кредо. Тамбов. 1994. № 2.

² Каргин А. С., Хренов Н. А. Традиционные досуговые ценности в их исторических и современных формах функционирования // Сохранение и возрождение фольклорных

в начале XX века обратил внимание на связь досуга и культуры. Нидерландский исследователь показал, что любая культура первоначально разыгрывается³, иными словами, культурные ценности на начальном своем этапе возникают в формах досуга, в сфере культуры и отдыха. Следовательно, «досуг культуротворен», и поэтому не может не представлять научного интереса⁴ именно как социально значимый феномен.

Из сказанного следует, что **предметом** работы является роль церковных праздников и традиций в повседневной жизни и менталитете жителей крупных городов Российской империи в конце XIX – начале XX века. Тогда **объектом** исследования становятся особенности празднования Пасхи в Петербурге и Москве, а также специфика восприятия этого празднования в различных социальных группах, проживавших в названных городах в рассматриваемый период. То есть фактически исследуемый объект состоит из двух уровней. Первый уровень – это непосредственно сама содержательная сторона обычаев, перешедших из традиционной культуры в культуру городскую и подвергнувшихся в пореформенный период трансформации под воздействием развития научно-технического прогресса и капиталистических отношений. Второй уровень – это отражение процессов и феноменов первого уровня в общественном сознании жителей обоих мегаполисов вообще, а также основных социальных групп, составлявших их население, в частности.

Актуальность темы исследования обусловлена растущим в последние годы научным интересом к религиозной составляющей культуры повседневности, к особенностям сосуществования праздничного и обыденного в сознании и восприятии жителей русского пореформенного

традиций. Традиционные формы досуга. История и современность. Вып. 7. М., 1996. С. 10 – 11.

³ Хейзинга Й. Homo Ludens // Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 2004. С. 84, 278.

⁴ Каргин А. С., Хренов Н. А. Там же; Кожевников С. Б. Аксиология повседневности. Краснодар, 2003. С. 224; Немиро О. В. Праздничный город: искусство оформления праздников. История и современность. Л., 1987. С. 9.

города, а также к церковным торжествам и церемониям как значимым элементам презентаций самодержавной власти характерных для эпохи двух последних российских императоров.

Хронологические рамки исследования – 1881–1914 годы. Выбор такого временного промежутка обусловлен следующими обстоятельствами. С воцарения в 1881 г. Александра III начинается кардинальная трансформация образа самодержавия и соответствующих этому образу презентаций. Прежде – начиная с Петра I и до Александра II – официальная государственная идеология, несмотря на сохранение в этот период роли Православной Церкви как важнейшего государственного института, ориентировалась на секулярные ценности, присущие европейскому абсолютизму. Теперь политическим идеалом становилась Московская Русь XVII века со свойственными ей представлениями о сакральном характере верховной власти и, следовательно, об особой роли православия и Православной Церкви в деле легитимации самодержавия. Подобная же установка – даже в ещё более усиленном виде – была характерна и для эпохи Николая II. Проблема совершенствования общественного благочестия в такой системе политических ценностей приобретала особое значение и становилась одним из важнейших объектов внимания со стороны официальной идеологии. Отсюда – дальнейшая политизация православия, которое и прежде было предельно политизировано как одна из несущих конструкций государственной идентичности. Результатом этой политизации становилось заметное усиление в самодержавных ритуалах церковных компонентов, а также обратное явление – идеологизация непосредственно самой церковной жизни, в частности, её кульминационных моментов – праздников, и особенно главного праздника православных христиан – Пасхи. Конечный рубеж исследования – начало Первой мировой войны, которая существенно повлияла на сложившуюся культуру городской повседневности и традицию празднования Пасхи в обеих столицах Российской империи. Поэтому продление исследования и на эпоху 1914–1917 годов, то есть вплоть

до Февральской революции, потребовало бы совершенно иного проблемного рубрикатора, в результате чего была бы нарушена цельность рассматриваемого материала.

Целью работы является выявление и анализ традиций и особенностей празднования Пасхи в разных слоях общества Петербурга и Москвы в конце XIX – начале XX века и интерпретация характерных способов восприятия этого торжества основными столичными социальными группами.

Задачи работы обусловлены ее предметом и подчинены ее цели. Они состоят в рассмотрении и реконструкции порядка и последовательности традиционных мероприятий, связанных с празднованием Пасхи в Петербурге и Москве. Среди задач исследования – определение взаимоотношений между формальными общепринятыми церковными мероприятиями и укоренившимися общественными обычаями, соотнесение официальной идеологии кульминационного события христианского календаря с проявлениями низовой культуры, выяснение эффективности дидактического содержания торжества и его пропагандистского обеспечения (главным образом в периодической печати) на фоне усиливающейся в рассматриваемый период секуляризации городского населения России. Отдельно рассматривается специфика празднования Пасхи в Петербурге и Москве по той причине, что в контексте нового – допетровского – образа российского самодержавия роль первопрестольной в презентациях верховной власти существенно возросла. Также освещаются проблемы соблюдения правопорядка в течение пасхальных дней и организации торгового обеспечения праздничной торговли. Наконец, рассматриваются новшества, привнесённые в празднование Пасхи после первой русской революции на фоне проводившихся в Российской империи политических реформ.

Степень научной разработанности темы. Тема повседневности как отдельный и самостоятельный объект исторических исследований появилась сравнительно недавно. Вместе с тем сюжеты, в той или иной степени связанные с культурой праздника и соответствующие данному типу

повседневности деятельностных, поведенческих, мотивационных и ценностных представлений, присутствуют в работах историков уже давно. Соответствующий интерес проявился ещё до 1917 года, в пору собственно рассматриваемой эпохи. Однако дореволюционных исследований на тему церковных праздников крайне мало, и они в основном описательные и основанные на фактах, относящихся, как правило, к более раннему периоду⁵.

Тема влияния церковных праздников на быт и повседневность в России в конце XIX – начале XX века в советской исторической литературе не получила сколько-либо заметного освещения. Лишь в последние годы существования СССР проявился исследовательский интерес к данным сюжетам. А. И. Мазаев одним из первых констатировал, что по вопросам праздничной культуры в советской науке совсем нет обобщающих работ. Это исследование основано на тезисе о том, что праздники – составная часть идеологической работы КПСС⁶. О. В. Немиро уже предпринял попытку отойти от подобной марксистско-ленинской интерпретации. По его мнению, праздник – это социально-художественное явление духовной культуры и специфическая форма организации общественного бытия в свободное время⁷. Вместе с тем церковные торжества в названных работах не затрагивались.

Уже в постсоветское время историографическая ситуация стала стремительно меняться. Начали выходить работы по истории повседневности, в частности, исследование Н. А. Хренова по теоретическим вопросам досуга. Основное внимание автор уделяет социально-психологической деятельности людей, эмоциональности свободного времени XVIII – XIX веков. В данном исследовании утверждается, что русская

⁵ Кондратьев И. К. Седая старина Москвы. М., 2006; Пыляев М. И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 2005; Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 2003.

⁶ Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978. С. 3 – 5.

⁷ Немиро О. В. Праздничный город: искусство оформления праздников. История и современность. Л., 1987.

культура ориентируется преимущественно на духовные ценности, и досуг не исчерпывается простым восстановлением сил для дальнейшей работы, но он невероятно важен сам по себе, и человек трудится для того, чтобы с большим удовольствием проводить свободное время. Более того, именно в моменты досуга возникают условия для творчества и, следовательно, культуры. В сферу внимания Н. А. Хренова попадает любой досуг, в том числе и религиозные праздники⁸. А. Ф. Некрылова сконцентрировалась на народных формах досуга, в частности на таком явлении русской городской жизни конца XVIII – начала XX века, как праздничные гуляния. В данном исследовании⁹ обработан обширный фактический материал по истории народных уличных забав. Исследователями было отмечено, что книга А. Ф. Некрыловой явилась первой научной работой по данной тематике¹⁰. По вопросам гуляний также существует несколько специальных работ А. М. Конечного. Основное внимание этот автор уделил истории балаганной культуры в России, ее развитию и трансформациям¹¹.

В постсоветский период существенно усилился интерес к изучению и религиозно-церковных аспектов повседневности. Для настоящего исследования представляют чрезвычайно важное значение общие работы по истории Русской Православной Церкви, появившиеся в последнее время. В них, во-первых, очерчивается новое проблемное поле (в том числе и вопросы истории повседневности и быта сквозь призму истории Церкви), во-вторых, вводятся в научный оборот факты, существенно уточняющие прежние представления о политической роли данного института в конце XIX – начале XX века. Так, в книге В. А. Федорова¹² рассмотрены ключевые моменты

⁸ Хренов Н. А. Мифология досуга. М., 1998.

⁹ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX вв. СПб., 2004.

¹⁰ Левинсон А. Новый этап в изучении городских гуляний // Декоративное искусство СССР. 1986. № 1.

¹¹ Конечный А. М. Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л., 1989.

¹² Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700 – 1917. М., 2003.

истории Русской Церкви синодального периода, подробно рассказано о конфессиональной политике российских императоров. Как и В. А. Федоров, М. А. Бабкин и С. Л. Фирсов одной из главных проблем Церкви рассматриваемого периода назвали ее огосударствление в результате петровских преобразований¹³. Здесь, по мнению авторов, возникал своего рода замкнутый круг. Власть пыталась использовать Церковь для восстановления своего падающего в революционной обстановке авторитета, в то время как Церковь сама была «заложницей монархии»¹⁴, исполняя функции духовного ведомства и тем самым будучи неразрывно связанной с правящим режимом в глазах народа.

В последнее время растёт исследовательский интерес и к проблемам повседневности, через изучение которой можно вплотную подойти к новым интерпретациям фундаментальных основ народного сознания и культуры, человеческой социальности как таковой.

Одним из аспектов истории повседневности является тема досуга¹⁵. Правда, монографических работ по проблемам досуга во время религиозных праздников пока не вышло¹⁶, спорадически стали появляться лишь отдельные статьи или учебные пособия¹⁷. Предварительное обобщение

¹³ Бабкин М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. Так же о переплетении религиозного и государственного начал в истории России см.: Мчедлов М. П. Российская цивилизация: религиозные аспекты // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998.

¹⁴ Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 14.

¹⁵ Хренов Н. А. Мифология досуга; Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001; Сариева Е. А. Городская развлекательная культура пореформенной Москвы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2000; Уварова Е. Д. Как развлекались в российских столицах. СПб., 2004; Котлярчук И. С. Официальные праздничные церемонии великорусского города XVI–XVII вв. // Проблемы социальной истории Европы: от Античности до Нового времени. Брянск, 1995; Литягина А. В. Досуг в городах России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. 2007. № 10.

¹⁶ Среди крупных исследований на данную тему пока можно назвать лишь одно: Стенникова П. А. Церковно-театрализованные действия в России XVI–XVII вв. (На примере «Пещного действия» и «Шествия на осляти» в Вербное воскресенье). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Челябинск, 2006.

¹⁷ См., например: Белоновский В. Н., Реснянский С. И. Праздники церковного календаря и их отражение в народных преданиях, традициях, обычаях, поверьях. Учебное пособие. М.,

наработок по данной теме осуществляется на уровне сборников статей. Среди них следует выделить серию, выходящую под редакцией Н. А. Хренова¹⁸, а также сборник «Развлекательная культура России XVIII–XIX вв.»¹⁹. Здесь же можно указать и на ряд архивных публикаций по теме культуры досуга²⁰. В названных работах суммируются имеющиеся на сегодняшний день сведения по истории конкретных религиозных праздников. В поле зрения авторов оказываются проблемы трансформации религиозного сознания в пореформенной России, динамики игрового содержания народных гуляний, политизации и выработки новых форм досуга.

Среди работ, имевших особое значение для настоящего исследования, следует назвать статью В. Орловой²¹. Эта статья посвящена традициям пасхального праздника в дореволюционной России, связанным с этими традициями бытовыми деталями, характерным для данного события особенностям досуга и обыденным представлениям об этических нормах общественного поведения на Пасху.

Исключительное значение для настоящей диссертации имеет труд американского историка Р. Уортмана «Сценарии власти»²². В этой работе рассматриваются мифология, церемониал и ритуалы российской монархии от Петра Великого и до Николая II. Автор подробно анализирует идеологический разворот двух последних императоров от

1994; Августин (Никитин)., архим. Православный Петербург в записках иностранцев // Памятники Отечества: Альманах. № 34. М., 1995; Лихачева О. О. «Царские дни» и их влияние на религиозную жизнь Петербурга первой четверти XIX в. // Православие в русской культуре. Вып. 1. СПб., 1998; Глушкова В. Г. Православные святые Москвы. М., 2007; Пасха / Сост. Н. Будур. М., 2005; Коккинаки П. Фаберже. Пасхальные сюрпризы державного ювелира // Истина и Жизнь: ежемесячный христианский журнал. 2001. № 4; Мчедлов М. П. Указ. соч.

¹⁸ Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Традиционные формы досуга: история и современность. М., 1994–1998. Вып. 5 – 8.

¹⁹ Развлекательная культура России XVIII–XIX вв.: Очерки истории и теории. СПб., 2000.

²⁰ Московский архив. М., 1996. Вып. 2: вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. В этом сборнике опубликованы материалы о проведении некоторых пасхальных торжеств в столице, а также о появлении такого феномена как хулиганство.

²¹ Орлова В. Там же.

²² Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1 – 2.

вестернизированного образа монархии к традициям допетровской России XVII века и свойственным той эпохе формам презентации верховной власти, в том числе апеллировавшим к особому статусу русского самодержца в Православной Церкви. Вместе с тем данная работа может рассматриваться лишь как предварительная систематизация имеющихся сведений. Автору – во многом из-за чрезвычайно широких хронологических рамок его исследования – не удалось завершить обработку собранного им колоссального фактического массива. В результате при всей масштабности проделанной им работы аргументированность многих ярких и перспективных тезисов книги выглядит недостаточной²³.

Заметный вклад в изучение русской праздничной повседневности внесли исследования филологов С. Ю. Николаевой, Х. Барана, О. Н. Калениченко, Л. Е. Петровой, О. Г. Третьяковой²⁴. Названные авторы рассматривали культурную феноменологию пасхальных текстов, интерпретировали их значение для официально-церковного и народного празднования. В работах указанных исследователей также анализируется опыт употребления в религиозно-церковной жизни произведений светской литературы и художественной культуры.

Таким образом, собственно исторических исследований по праздничному пасхальному быту в обеих столицах Российской империи конца XIX – начала XX века на сегодняшний день имеется крайне мало. Эти работы представляют собой лишь первый подступ к анализу темы повседневности русского церковного праздника и связи этого праздника с

²³ Богомоллов А. И. «Сценарии власти» Ричарда Уортмана: Обзор зарубежных и отечественных рецензий // Нестор. 2005. № 7.

²⁴ Николаева С. Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века. М. – Ярославль, 2004; Петрова Л. Е. Весенний цикл в поэзии Ф. И. Тютчева и А. Н. Майкова (проблема преемственности пасхальных настроений). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2007; Калениченко О. Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX вв. (Святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Волгоград, 2000; Третьякова О. Г. Стилевые традиции святочного и пасхального жанра в русской прозе рубежа XIX–XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2001; Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993.

официальной идеологией и общественным сознанием эпохи двух последних российских императоров.

Источниковой базой исследования явились издания периодической печати, мемуары и произведения художественной литературы.

1. Издания периодической печати. Основным источником настоящей работы стали газеты и журналы, издававшиеся в Санкт-Петербурге и Москве в период 1881–1914 годов. При этом использовались материалы самой разной прессы – как ориентированной на широкий круг читателей разных политических взглядов, так и специальной. Это популярные ежедневные газеты и юмористические, детские, женские, духовные журналы. Критерием отбора того или иного издания для настоящего исследования являлось наличие в нем сведений, касающихся празднования Пасхи. В диссертации проанализирована периодика разных идеологических направлений. Подобный подход к подбору источникового материала позволил составить целостную оценочную картину восприятия общественностью Петербурга и Москвы как самого церковного праздника, так и приуроченных к нему новых интерпретаций образа самодержавной власти и её презентаций. Если же говорить о повседневно-бытовой стороне празднования Пасхи, то об этом преимущественно печатали консервативные, лояльные режиму издания, а также аполитичная периодика «для домашнего чтения». Именно там содержится больше всего заметок, фельетонов и рассказов о том, как именно проводили пасхальные праздники петербургские и московские обыватели.

2. Мемуары. Для полноты картины в работе использованы воспоминания представителей разных слоев общества. Высший свет представлен мемуарными зарисовками князей С. Голицына²⁵ и Е. Трубецкого²⁶, воспоминаниями В. Ф. Джунковского²⁷. Воспоминания кн. Голицына передают детское восприятие пасхального праздника.

²⁵ Голицын С. Вслед за Иваном Великим. Воспоминания // Памятники отечества. 1997. № 1 (37).

²⁶ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994.

²⁷ Воспоминания В. Ф. Джунковского за 1898–1904 гг. // ГА РФ. Ф. № 826. Оп. № 1. Д. № 45.

Философские размышления кн. Трубецкого относятся уже к революционному времени и описывают всеобщий нравственный упадок этой эпохи, а также предельно обострившееся в это время негативное отношение к религии и Церкви. Записи В. Ф. Джунковского как человека, приближенного к императору, содержат подробности царских пасхальных визитов в Москву в начале XX века. Автор мемуаров описал организацию этих визитов, а также подробно остановился на том, каким образом в самодержавные презентации была встроена вся императорская фамилия. О праздновании Пасхи купеческим сословием рассказывается в воспоминаниях Е. К. Андреевой-Бальмонт и Н. А. Лейкина²⁸. Здесь приводится подробное описание присущих этому сословию традиций. Андреева-Бальмонт и Лейкин описали основательную подготовку к празднику, в которой одинаково сильно были заняты и хозяева дома, и многочисленные домочадцы²⁹. О Пасхе в среде творческой интеллигенции рассказывается в воспоминаниях А. Н. Бенуа и М. В. Добужинского³⁰. Тема праздника здесь раскрывается на основании детских впечатлений авторов воспоминаний. Им больше всего запомнились пасхальные гуляния с их горками, качелями, балаганами и Петрушкой. О гуляниях очень подробно рассказывается в воспоминаниях столичного антрепренера А. Я. Алексеева-Яковлева³¹. Значимость данного источника заключается в том, что о пасхальных балаганных представлениях в нем говорится не с точки зрения стороннего наблюдателя – городского обывателя, а с позиции их профессионального организатора. В воспоминаниях столичного простого люда преобладают описания бытовых сторон праздника и его кануна. Например, говорится о великопостном образе жизни рабочих и артистов массовых народных представлений³². Или

²⁸ Лейкин Н. А. в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907.

²⁹ Андреева-Бальмонт Е. К. Воспоминания. М., 1997. С. 115 – 117.

³⁰ Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987; Бенуа А. Н. Мои воспоминания. В 5 кн. М., 1990.

³¹ Алексеев-Яковлев А. Я. Петербургская жизнь в конце XIX века. СПб., 1998.

³² Белоусов И. А. Ушедшая Москва // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С. 347 – 350; Телешов Н. Д. Москва прежде // Там же. С. 450.

рассказывается о гуляниях на вербах и на Светлой неделе³³. Описываются пасхальные распродажи – так называемые «дешевки»³⁴. Перечисляются традиции проведения пасхальной ночи в столице³⁵. И во всех без исключениях мемуарах данной группы подчёркивается изнурительность предпраздничных хлопот, в которые погружались городские обыватели накануне Пасхи³⁶.

3. Художественная литература. Главным источником данной группы для настоящего исследования стал роман И. С. Шмелева «Лето Господне»³⁷. Он был создан в эмиграции в Париже на рубеже 1930–1940-х годов. В нем описывается жизнь семьи московского подрядчика в конце XIX века (именно в такой семье вырос сам Шмелев). Церковные праздники изображены в романе по детским впечатлениям автора. Особое место среди них занимает Пасха, встрече которой предшествует долгая и тщательная подготовка, начинающаяся фактически с Чистого понедельника – первого дня Великого поста. Также в работе использовались художественные воспоминания М. Макарова «Из жизни православной Москвы XX века»³⁸, сборник рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Мягкий свет детства»³⁹, роман М. В. Имшенецкой «Забытая сказка»⁴⁰, а также некоторые другие, более мелкие произведения. В основном они дополняют прессу и мемуары через передачу атмосферы праздника и соответствующего этому событию настроения жителей Петербурга и Москвы. Вообще в рассматриваемый в диссертации период

³³ Богатырев П. И. Московская старина // Там же. С. 170; Слонов И. А. Из жизни торговой Москвы // Там же. С. 240 – 242; Белоусов И. А. Указ. соч. С. 356, 370; Засосов В. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х гг.: Записки очевидцев. Л., 1991. С. 126 – 128; Гиляровский В. А. Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М., 1935.

³⁴ Слонов И. А. Указ. соч.

³⁵ Ключева М. И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга. 1880–1910 // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. СПб., 1997. Вып. 3. С. 191 – 192; Засосов В. А., Пызин В. И. Там же. С. 85 – 86.

³⁶ Белоусов И. А. Там же. С. 344; Ключева М. И. Там же. С. 186.

³⁷ Шмелев И. С. Лето Господне. М., 2003.

³⁸ Макаров М. Из жизни православной Москвы XX века. Воспоминания православного христианина. М., 1996.

³⁹ Никифоров-Волгин В. А. Мягкий свет детства. Избранное. М., 1998.

⁴⁰ Имшенецкая М. В. Забытая сказка: Письма об ушедшей любви: Об ушедшей России. М., 2007.

наблюдается бурное развитие пасхальной прозы и поэзии как отдельного жанра художественной литературы. По словам О. Н. Калениченко, в 80-е годы XIX века, «пасхальный жанр преобразается» в России⁴¹. Проза и поэзия соответствующей тематики становится в это время массовой⁴², в том числе и в газетно-журнальной беллетристике. Редакторы в обязательном порядке заказывали такие произведения для праздничных номеров своих изданий. Многие из этих произведений не получили широкой известности, оказавшись фактически заказными однодневками. Но некоторые стали признанными шедеврами русской литературы. Среди последних: «Мужик Марей» Ф. М. Достоевского (из «Дневника писателя»), «После бала» Л. Н. Толстого, «Студент» и «Архиерей» А. П. Чехова, «Легкое дыхание» И. А. Бунина⁴³.

В своей методологии исследование исходит из того положения, что пресса отражает и одновременно формирует общественное мнение, систему представлений о признанных обществом нормах поведения. При этом отдельные, наиболее значимые, черты и особенности мышления редакторов, обозревателей и авторов газет и журналов, отразившиеся в их трактовках традиций и норм поведения, анализируются не как случайные явления, но как характерные проявления господствующих в рассматриваемый период тенденций общественной жизни. Именно поэтому издания периодической печати явились для настоящего исследования основным источником. Мемуары и художественная литература как источники, которым в большей степени присущ авторский субъективизм, использованы в качестве дополнительных материалов для воссоздания более полного и всестороннего

⁴¹ Калениченко О. Н. Указ. соч. С. 91.

⁴² Светлое Воскресение: Произведения русских писателей / Сост. С. Ф. Дмитренко. М., 1994.; Пасхальные рассказы. М., 2002.; Пасхальные рассказы. М., 2007.; Вифлеемская звезда. Рождество и Пасха в стихах и прозе / Сост. М. Письменный. М., 1993. См. также: Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. Петрозаводск, 1994. С. 249 – 261; Тарасов К. Г. Пасхальные мотивы в творчестве В. И. Даля // Евангельский текст в русской литературе... Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 298 – 301.

⁴³ Захаров В. Н. Указ. соч.

образа пасхального праздника. Герменевтический подход к текстам названных категорий обеспечивает выход в пространство интерпретаций, позволяющих на основе частной феноменологии праздничной повседневности реконструировать более общие тенденции социально-политической истории.

Научная новизна. В перечисленной сравнительно небольшой историографии проблемы преимущественное внимание уделяется пасхальному празднику именно как одной из форм общественного досуга. Вместе с тем досуг – не главное в церковном торжестве. Религиозный праздник – это, в первую очередь, духовный труд, а ни в коем случае не праздное время. Однако подобные характеристики применимы к празднику как феномену глубоко личного духовного опыта. Церковь же, как институт социальный (а в Российской империи рассматриваемого периода – еще и государственный), неизбежно приобретает черты и свойства, присущие конкретному обществу в конкретное время его существования. Поэтому в настоящей работе впервые предпринята попытка проанализировать ценностный конфликт между нормативно должным и актуально сущим в праздновании Пасхи в конце XIX – начале XX века, рассмотреть на основе данного конфликта состояние российского общества (на примере населения Петербурга и Москвы) и в итоге оценить адекватность нового идеологического курса самодержавия, основанного на рецепции допетровских образов власти и апеллировавшего к усилению церковного компонента своей пропаганды, в том числе и через политизацию пасхальных торжеств.

Практическая значимость работы. Результаты исследования, рассмотренный в нем фактический материал, а также сделанные на основе проведенного анализа выводы могут быть использованы в работах по истории внутренней политики самодержавия, Православной Церкви и русской культуры, а также при подготовке учебных курсов, пособий и обобщающих монографий по истории России конца XIX – начала XX века.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX – начала XX вв. Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Основные ее положения и отдельные выводы публиковались в научных статьях. По материалам диссертации опубликовано 2 статьи общим объемом 1 п. л. (Список публикаций приводится в конце автореферата.)

II. Структура и основное содержание работы

Диссертация состоит из Введения, включающего разделы «Источники» и «Историография», семи глав, списка источников и литературы и приложения, состоящего из иллюстраций.

Во **Введении** содержится постановка проблемы, обоснование актуальности темы, определяются проблематика, цели, задачи и хронологические рамки исследования. Раздел **«Источники»** содержит описание и критику источниковой базы, на которой проведено исследование. Обозначены основные принципы работы с этой базой, дана классификация источников, оценена степень их информативности. Раздел **«Историография»** содержит анализ степени изученности темы, характеристики работ, так или иначе затрагивающих исследуемую тему. Показано развитие формирования научного интереса к религиозному компоненту культуры повседневности в историографии.

Глава 1 «Канун праздника и сам праздник. Проблема светского досуга» посвящена рассмотрению подготовки к празднованию и самого празднования Пасхи в Москве и Петербурге как важных элементов городского досуга.

В *первом параграфе* рассматривается Вербное воскресенье как праздник, предшествующий Пасхе. Подробно описываются история возникновения этого торжества, участие в нем царя и патриарха в прежние эпохи, прослежено, как менялась традиция вербного гуляния в исследуемый период. Особенность вербного торга состояла в том, что он к концу XIX века

держался только традицией своего проведения: и торговцы, и гуляющие участвовали в нем по привычке. Товары, представленные на торгу, были в основном низкого качества, и больших прибылей эта торговля не приносила.

Во *втором параграфе* описывается обстановка в столицах на Страстной неделе. Показан масштаб предстоящего торжества с одной стороны, и сила традиций и отношение к ним в обществе – с другой. Перечислены основные заботы и хлопоты горожан в это время: генеральная уборка, покупка подарков и обновок, подготовка праздничного стола.

Третий параграф посвящен городским развлечениям на Страстной неделе. Это связано с тем, что многие учреждения массовой культуры и индустрии развлечений останавливали свою работу на этой неделе. Но освобождающееся время у обывателя не всегда было занято духовной и материальной подготовкой к празднику. Отмечается определенная конфликтность между официальной церковной нормой поведения в этот период и различными увеселениями, которые в конце XIX – начале XX века не прекращались полностью. Например, театральные представления русских коллективов на Страстной неделе были запрещены, однако запрет не распространялся на зарубежных музыкантов и актёров, которые, таким образом, помимо своей воли оказывались накануне Пасхи особо популярными.

Четвертый параграф описывает такое явление, как предпраздничный отъезд рабочего люда по домам, что было очень характерно именно для столиц. Переполненные вокзалы и поезда, а также сложности с билетами становились в это время нормой.

В *пятом параграфе* речь идет уже непосредственно о дне Пасхи. Досуг на саму Пасху имел несколько составляющих: праздничное богослужение, обязательное пасхальное застолье, или разговение, поход в гости с поздравлениями, посещение кладбищ простым людом, служебные награждения и чиновничества, обязательное премирование домашней прислуги, дворников, городских и т. д., что в сумме становилось очень

крупной статьей расхода для простого обывателя. При этом важно отметить, что сам день Пасхи оказывался загружен многими обязанностями и формальностями, которые собственно для досуга совсем не оставляли времени. Особенно хлопотными становились визиты, которые именно в сам день Пасхи считалось необходимым нанести всем сколько-нибудь влиятельным знакомым и родственникам.

В *шестом параграфе* описываются праздничный отдых и развлечения, которые длились всю следующую – Светлую – неделю. Это, прежде всего, масштабные гулянья. Подробно рассмотрены народные забавы: качели, карусели, балаганы. При этом балаганы как элемент народной низовой культуры к описываемому времени стали вырождаться. Особое внимание уделено такой сугубо пасхальной традиции, как христосование (троекратный поцелуй с поздравлением и обменом пасхальными яйцами). Христосовались везде: дома, в храме, в гостях, на улице, с родственниками, знакомыми и просто незнакомыми посторонними людьми. Отказываться было не принято.

В **главе 2 «Разные типы благочестия»** рассматривается осмысление и восприятие праздника жителями Петербурга и Москвы в контексте общепринятых формализованных норм поведения в городской среде.

В *первом параграфе* рассматривается вопрос о том, как готовились к Пасхе в обеих столицах. В прессе часто характеризовали эту подготовку следующим образом: «Для верующих это дни величайшего самоуглубления. Для большинства же Страстная неделя – просто хлопотливая пора»⁴⁴. Для светски настроенных и секуляризованных городских обывателей в принципе большой трудностью было говение – духовная подготовка к празднику: пост, усиленная молитва и исповедь с обязательным последующим причастием. К приходским священникам в городской среде в XIX веке относились с большим высокомерием, и исповедь становилась серьезным испытанием для людей светских. Для многих, особенно живущих в Петербурге и Москве, посещение церкви становилось делом не сугубо личным, но социальным,

⁴⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 20 марта.

одним из элементов продвижения по карьерной лестнице. В храмах решались многие совсем не религиозные вопросы. Посещение того или иного конкретного прихода, как правило, связывалось с его неофициальным статусом (в крупных городах существовала деление храмов на простые и для «чистой публики»). Здесь же рассматривается неявное, но оттого не менее сильное противостояние между клиром столичных приходов и значительной (и всё более увеличивавшейся) частью городских обывателей, не считавших себя причастными к Православной Церкви и в более или менее демонстративной манере заявлявших о своей позиции. Отдельное внимание в параграфе уделено взаимоотношениям Церкви и интеллигенции. Эти взаимоотношения осложнялись обоюдной критикой друг друга: Церковь видела в интеллигентах апологетов западной чуждой культуры. Интеллигенция же в свою очередь обвиняла Церковь в отсутствии реформ, закостенелости и чрезмерном сотрудничестве с властью, к которой традиционно находилась в оппозиции.

Второй параграф посвящен тому, как праздновали Пасху разные слои столичного общества. По свидетельствам многочисленных источников, храмы, в которых в пасхальную ночь собирались обеспеченные горожане, становились фактически салонами для обсуждения последних новостей, сплетен и тенденций в моде. В храмах же, где собирались простые горожане, наблюдалась сильная давка, которая между тем вовсе не свидетельствовала о том, что уровень благочестия малообеспеченных жителей обеих столиц был настолько высок. Часто мотивом для этой категории прихожан являлось желание послушать церковное пение.

В третьем параграфе описываются отмеченные в прессе изменения в столичном благочестии в направлении возрастания интереса к религии и церковной жизни. В ситуации, когда интеллигенция отказалась от православия, а другие нетрадиционные конфессии так и не прижились в России, образованные круги, по выражению Н. А. Хренова, в XVIII веке начинают испытывать «религиозный голод». Следствием этого стало

распространение на рубеже XVIII–XIX веков всевозможных мистических настроений как реакции на просветительство. Где оказалось слишком много рационального, возникла потребность в иррациональном, а затем – волна консерватизма. В конце XIX века – во многом усилиями официальной идеологии – возник интерес к благочестию XVII века, византийским традициям. «Оживает монашество, происходит заселение обителей и скитов. Возрождается институт старчества». Искания духовной жизни наблюдались во всех слоях русского общества. Примером тому служат возраставшая популярность св. Серафима Саровского, авторитет Оптиной пустыни⁴⁵. Но, конечно, ошибкой было бы утверждать, что эти искания автоматически свидетельствовали о пополнении рядов православных прихожан. В «Гражданине», например, отмечалось, что в храмах «даже самые нерелигиозные поддаются общему настроению»⁴⁶, и лжи и фальши по-прежнему было достаточно, так как многие приходили в храмы под пропагандистским воздействием усиленно насаждавшегося нового образа самодержавия.

Глава 3 посвящена «**Пасхальной Москве**». В ней отмечается особенность празднования Пасхи именно в первопрестольной. Обращено внимание на то, что в Москве были сохранены некоторые древние традиции, которых уже не было в Петербурге, а так же особо отмечен знаменитый московский обычай первого удара колокола Ивана Великого в пасхальную ночь. Именно этот обычай ежегодно собирал в Москву множество гостей, нередко приезжавших сюда специально ради этого события.

В **Главе 4** рассматриваются «**Проблемы правопорядка**» в столицах на Пасху. Самой основной из них являлось пьянство, во многом спровоцированное «обязательным» досугом, подсознательной установкой на антиповедение, подчеркнутой праздностью, противоположностью законам будней. Власти пытались бороться с пьянством, ограничивали продажу

⁴⁵ Хренов Н. А. Мифология досуга... С. 307 – 321.

⁴⁶ Гражданин. 1893. 27 марта.

спиртного, пытались регламентировать работу питейных заведений и в 1914 г. даже организовали и провели «трезвую Пасху». Однако эти меры не дали желаемых результатов.

В **Главе 5** изучается **«Торговое обеспечение праздника»**. Исходя из того, что в настоящем исследовании праздничная повседневность разбирается в том числе и с точки зрения организации быта, пасхальная торговля рассмотрена не со стороны торговых предпринимателей, а со стороны простого обывателя. В изучаемый период особенно остро встал вопрос о качестве продовольствия, появились такие новые для того времени проблемы, как зараженное мясо и подделка самых популярных товаров. Именно для решения названных проблем в конце XIX – начале XX века начинают предприниматься первые попытки сертификации продуктов питания. Из-за подобной бюрократизации рыночной торговли утрачивалась её простота и доступность. Ценовая политика на праздничных базарах выталкивала массового покупателя в магазины, в которых – в ситуации значительного сокращения ценовых ножиц – становилось гораздо выгоднее покупать качественные товары.

Глава 6 посвящена **«Официальной пропаганде праздника в прессе»**. По ходу анализа в *первом параграфе* праздничных публикаций в периодике делается вывод о том, что массовый интерес к Пасхе поступательно усиливался с восшествия на престол Александра III и достиг своего апогея в начале XX века, уже при Николае II. Здесь же рассматриваются конкретные шаги самих императоров, которые привнесли пасхальный праздник в образ своей власти и систему ее презентаций.

Во *втором параграфе* отдельно анализируются пасхальные визиты Николая II в Москву в 1900 и 1903 гг. Пасха становилась главным политическим и культурным событием в России в годы её празднования императором в Москве. Немаловажно, что пресса в данном случае не только отражала рост (пускай и преувеличенный или даже надуманный) религиозности в обществе, но и одновременно сама его стимулировала

(другой вопрос – насколько эффективно) своими публикациями. При этом в газетах заостряли внимание на личной религиозности императоров Александра III и Николая II. Возникла своеобразная мода на эпоху царя Алексея Михайловича – самого императора официальная пропаганда представляла как сильного и твердого политика, с одной стороны, и благочестивого правителя – с другой. Оценивалось значение исторического и духовного опыта того времени⁴⁷. Прежний имидж европеизированных императоров к концу XIX века уже лишился своей сакральной легитимности. Престол стал искать новый образ власти, который был необходим в условиях меняющейся политической обстановки. И XVII век в русской истории начинал представляться периодом национального возрождения. Александр III видел в этой эпохе вневременную ценность, не затронутую историческими изменениями⁴⁸. Николай II также примерял на себя роль московского государя⁴⁹, но уже с акцентом на образ богомольного и смиренного христианина⁵⁰. Излюбленным сюжетом пасхальных публикаций периодических изданий становятся всевозможные статьи, рассказы, справки и заметки о праздновании Пасхи в Москве XVII века.

В *третьем параграфе* разобраны визуальные образы праздника на страницах периодики и на пасхальных открытках. Пасхальные рисунки обычно посвящались библейским сюжетам (чаще иллюстрировались евангельские повествования о страданиях и воскресении Христа – событиях, вспоминаемые на Пасху), изображались также городские и сельские праздничные обычаи и, разумеется, рисунки о Пасхе в XVII веке. На почтовых открытках преобладали пасхальные яйца как основной символ Пасхи – образ начала начал, жизни, возрождения, бессмертия. Также

⁴⁷ Ульянова Г. Н. Национальные торжества (1903–1913) // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 542.

⁴⁸ Уортман Р. Сценарии власти... Т. 1. С. 509; Т. 2. С. 323.

⁴⁹ Самой яркой попыткой реставрации Московии был зимний бал 1903 года, все присутствующие на котором во главе с царем были одеты в платья, сшитые по образцам XVII в. Уортман Р. Там же. Т. 2. С. 509 – 512.

⁵⁰ Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 574.

популярны были изображения цыпленка (символ новой жизни), петуха (как глашатая света), ягненка (символ невинных страданий и жертвенности), зайца (приносящего добрую весть), голубя (символ божественности и любви), весенних цветов (символ пробуждения от смерти и новой жизни), детей и христосующихся людей⁵¹. Этот символический ряд позволяет сделать вывод о том, что Пасха воспринималась преимущественно как праздник семейный, главные мотивы которого – счастье и возрождение к новой жизни.

Четвертый параграф посвящен проблемам благотворительности. Она переживала всплеск во время праздников, особенно во время Пасхи⁵². Проводились всевозможные благотворительные акции по сбору средств в пользу малоимущих, раздавались куличи и пасхи бедным, организовывались разговения для нищих⁵³. Большой популярностью пользовались и благотворительные представления, которые проводились каждый год на Светлой неделе. Но из-за отсутствия соответствующей правовой базы, регламентирующей благотворительную деятельность, многие мероприятия подобно рода становились акциями, прикрывающими криминальные деяния их организаторов или жертвователей.

В заключительной **Главе 7 «Пасхальный праздник и общественно-политическая ситуация в стране после 1905 года»** проанализировано то, как изменилось пасхальное настроение в столицах после 1905 года. Революционные события отодвинули все праздники на второй план. Томление, скука, страх, уныние, изнеможение, усталость, постылость – такая гамма чувств доминировала теперь в обществе⁵⁴. По мере нарастания революционных беспорядков и усиления всеобщей подавленности падал и авторитет Церкви. Церковь в сознании основной массы населения очень тесно была связана с властью, многие видели в ней не более чем духовное

⁵¹ Сурнин С. С., Киркевич Г. В. Пасхальные символы на почтовых открытках. Киев, 2007.

⁵² Новое время. 1895. 26 марта; Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 2 апреля; Русские ведомости. 1892. 12, 13 апреля.

⁵³ Новое время. 1899. 22 апреля; Новости дня. 1898. 1 апреля.

⁵⁴ Трубецкой Е. Н. Указ. соч. С. 192; Фирсов С. Л. Указ. соч. С. 45 – 55.

ведомство, «министерство благонадежности». Революционная десакрализация власти не могла не отразиться и на отношении к Церкви⁵⁵. При этом сами церковные иерархи и простые священники тоже обнаруживали стремление отдалиться от престола и его проблем⁵⁶. Но Пасха и в этих условиях не теряла своей актуальности в обществе и прессе – распространились всевозможные аналогии между пасхальными евангельскими событиями и назревшими преобразованиями в стране. В обществе Пасху стали воспринимать в новом контексте, отвечавшем духу времени – как ожидание воскресения России, победы над злом и т.п.

В **Заключении** подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы. Консервативный путь во внутренней политике двух последних российских императоров основывался на стимулировании интереса к религии. Престол стал искать новые идеологические основания для своей власти. Была предпринята попытка позаимствовать допетровские образы верховной власти, так как секулярный европеизм более не способствовал поддержанию падающего авторитета монархии. Не последнюю роль здесь играла религиозность самих императоров. Они во многом в силу своих личных взглядов стали проявлять интерес и самое живое и искреннее участие к церковной жизни. Это обусловило рост внимания к религии в прессе, особенно консервативной. Однако бюрократизированная Православная Церковь оказалась неспособной адекватно отреагировать на новый идеологический запрос верховной власти. Мешало и устоявшееся восприятие Церкви как представителями обеспеченных слоёв населения, воспринимавшими свою воцерковлённость в качестве неперемennого условия карьерного успеха, так и простым людом, подверженным обрядоверию. Рост интереса к православной вере, о котором писали некоторые мемуаристы и газетные обозреватели, не был массовым

⁵⁵ Фирсов С. Л. Указ. соч. С. 31 – 50.

⁵⁶ Бабкин М. А. Духовенство русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007; Асмус В. В., прот., Бабкин М. А. Духовенство русской православной церкви и свержение монархии // Вопросы истории. 2008. № 2.

явлением в обществе. Вместе с тем в результате проводимого самодержавием идеологического курса возросла значимость церковных торжеств вообще и Пасхи в особенности в городской жизни и преимущественно в Петербурге и Москве как центрах, которым отводилась исключительная роль в формировании нового образа самодержавия. При этом рецепция старых образов и традиций для нужд самодержавия осуществлялась современными инструментами, свойственными эпохе индустриального общества и развитых капиталистических отношений, – печатными средствами массовой информации, рекламной политикой, развитием частного предпринимательства. И эта особенность «возрождённого» в конце XIX – начале XX века пасхального праздника в конечном счёте работала против его «заказчика» – самодержавия.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

- 1) Рогожина Н. Д. Дорого яичко к Христову дню: Пасхальная торговля в Москве и Петербурге // Родина. 2008. № 4. С. 125–129. (Журнал входит в перечень изданий, рекомендованных ВАК.)
- 2) Рогожина Н. Д. Пасхальный праздник в жизни Москвы и Петербурга в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2008. № 3. С. 52–61. (Журнал входит в перечень изданий, рекомендованных ВАК.)